

М. И. РОМАНОВ

РЕБЕНОК СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В ФОЛЬКЛОРЕ И БЫТЕ

Публикация А. Н. Мартиновой

Ниже печатается статья замечательного собирателя, исследователя фольклора М. И. Романова.

Михаил Романович Романов (1886—1956) и его труды мало кому известны. Лишь в последние годы его личность и работы по краеведению, фольклору и этнографии стали привлекать внимание журналистов, краеведов, фольклористов.¹ Между тем М. И. Романов собрал огромный материал по фольклору, этнографии, диалектологии и истории его родного края — Вельского у. Вологодской губ. (ныне Черевковский р-н Архангельской обл.) — территории, расположенной по р. Устье, правому притоку р. Ваги. Собранный материал он пытался осмыслить и предпринимал неоднократные попытки издать какую-либо часть своих записей, но лишь одна его небольшая работа увидела свет.² Это история Устьянской и Дмитриевской вол. с XI по 20-е годы XVIII в., написанная на материалах архива Дмитриевского волостного земства. Все остальные его работы остаются неизданными. Из них самые интересные и ценные — «Словарь устьянских говоров» и «Фольклор Устья», хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ.

Немного о фондообразователе. Жизнь М. И. Романова несколько необычна для скромного сельского учителя глухого захолустья.

Он родился 15 февраля 1886 г. в с. Дмитриевском Вельского у. Вологодской губ. В семье политического ссыльного И. М. Романова, осужденного за участие в народолюбивском движении (по словам

¹ Кузнецов О. Д. Живое слово севера // Русская речь. 1976. № 5; Алферов М. Краевед М. И. Романов: Исторический очерк // Ленинский путь. 1989. 1 октября; Лукин А. Научный труд сельского учителя // Правда Севера. Вельск, 1777. 8 янв.; Мартинов А. Словарь Романова // Ленинское знамя. 1979. № 10, 17, 20.

² Романов М. И. История одного северного захолустья. Великий Устюг, 1925.

сына, в ссылке «занимавшегося торговлей до 1918 г.») и учительницы К. В. Романовой (в девичестве Жаворонковой), впрочем, в школе никогда не работавшей. В доме отца была огромная библиотека, которая осталась от деда Михаила Ивановича, священника Вельского у. Миша рано пристрастился к чтению под руководством отца, а с пяти лет стал учиться, переходя из одного школьного заведения в другое: из церковно-приходской школы в духовное училище, а затем Пежемское сельское училище. Вслед за тем он поступил в Тотемскую учительскую семинарию, откуда, однако, был исключен за участие в студенческих волнениях. Вернувшись в Дмитриевское, М. И. Романов некоторое время работал сельским учителем, но вскоре был уволен «из-за пренебрежения законом Божиим и полной отмены молитвы». В это же время он присоединяется к кружку, организованному его отцом, в который входило еще несколько молодых людей. О деятельности кружка мало что известно, но, по некоторым сведениям, члены кружка печатали прокламации, видимо, антиправительственного содержания, а однажды избили полицейского урядника, за что Михаилу Ивановичу грозил арест. Спас его лишь призыв в армию в 1906 г. Из армии он дезертировал и пробрался в Финляндию, но вскоре вернулся в часть и сдался. На этот раз его ожидала штрафная рота, но по состоянию здоровья его отпустили домой с тем, что наказание за дезертирство (8 месяцев тюрьмы) последует позднее. В 1909 г. он снова дома и снова приближается к кружку отца. В кружке семь человек, на сей раз одержимых идеей создания сельскохозяйственной коммуны. Поправив здоровье, М. И. Романов отправляется в тюрьму в Вельск, где находится 8 месяцев в 1910—1911 гг. Вернувшись домой из заключения, Михаил Иванович развивает бурную творческую деятельность: пишет фантастико-мистические поэмы, философский трактат «Теория миротворения» (рукопись нами не обнаружена, и ее содержание неизвестно), занимается изобретением ткацкого станка собственной конструкции, протеза кисти рук и др.

Трактат он отсылает в Московское общество содействия успехам опытных наук при Московском Техническом высшем Императорском училище и, по свидетельству его сына, им заинтересовались и пригласили в Москву, где он был принят на работу в одну из лабораторий училища и зачислен вольнослушателем. Но и Москву, и училище он оставляет и пускается в странствие по стране в поисках земли для коммуны, однако при том успевае́т сдать экзамен на сельского учителя до того, как его в 1915 г. мобилизуют в армию и отправляют на фронт. На фронте он попадает в плен, откуда три раза бежит, но неудачно. Лишь на четвертый раз побег удался, и Михаил Иванович в июле 1918 г. перебирается в Данию. Там попадает в лагерь интернированных пленных русских, откуда его путь лежит через Норвегию в Мурманск. Здесь его мобилизовали в белую армию, но, находясь в одной из ее частей, М. И. Романов принимает участие в перевороте власти в Мурманске на стороне красных. В одном из боев он был ранен, и в госпитале ему ампутировали ногу.

В 1920 г. он снова на родине и работает в Черевковском р-не. До 1936 г. он активно записывает произведения устного народного творчества, собирает материалы по быту земляков, привлекает к этой работе своих учеников, изучает историю и народные говоры родного края, готовя словарь. В это время он заочно учится в педагогическом инсти-

туте в Вологде и, закончив его, приобретает специальность учителя и переводчика немецкого и английского языков. Следует добавить к этому, что пребывание в Скандинавии способствовало изучению языков скандинавских и финноугорских. В 1936—1937 гг. он работает преподавателем сельскохозяйственного техникума в Вельске. Все эти годы он ищет возможность издать свои работы, знакомится с М. Горьким, который обещает ему поддержку. В 1937 г. Михаил Иванович опубликовал свои воспоминания³ о встрече с М. Горьким на его даче под Москвой. Он пишет также о том, что за месяц до смерти М. Горького он получил от него письмо, в котором писатель обещал написать предисловие к книге «Фольклор Устья» и помочь издать работу по истории Устья в серии «История деревни». Но Горький вскоре умирает, и надежды, связанные с ним, не сбылись.

В мае 1936 г. М. И. Романов обратился с письмом на имя А. М. Астаховой в Фольклорную комиссию Института антропологии и этнографии Академии наук СССР с предложением купить его фольклорные материалы. Месяц спустя он выслал свои материалы: записи заговоров, песен, причитаний, детского фольклора и др. в машинописном варианте на имя А. М. Астаховой. Тогда же одно из северных издательств (Севгиз) выражает готовность издать «Устьянский фольклор». В 1936 г. книги М. И. Романова не были опубликованы, а в 1937 г. он был арестован и осужден на 10 лет.

Домой он вернулся в 1947 г. и до 1953 г. работал преподавателем иностранных языков в сельских школах. Михаил Иванович не оставял надежды опубликовать свои работы и отправляет «Словарь Устьянских говоров» в Институт языкознания АН СССР академику С. П. Обнорскому. В фонде ИРЛИ сохранились три письма С. П. Обнорского М. И. Романову. В письме от 13 июня 1949 г. Обнорский сообщает, что возвращает словарь автору, поскольку опубликовать его невозможно, и он может быть полезен лишь как рукопись. В письмах от 9 августа и 4 октября этого же года он дополнительно сообщает, что «Предисловие» Романова к словарю должен прочитать историк и сделать свое заключение. К одному из писем был приложен отзыв на рукопись научного сотрудника института языкознания С. Высотского, отзыв отрицательный и довольно резкий. Отметив, что работа М. И. Романова содержит много интересных фактов для истории диалектологии русского языка, рецензент заключает, что все достоинства тонут в любительском изложении материала, в ненаучной, неточной, субъективной их трактовке. И поскольку «Словарь» публиковать в таком виде нельзя и переработать его никто не возьмется, а сам автор переработать рукопись не сможет по причине недостаточной подготовки в языковедении, С. Высотский рекомендует сдать рукопись в архив АН СССР.

Но существует и другое мнение о словаре М. И. Романова. В 1976 г. в журнале «Русская речь» (№ 5) опубликована статья О. Д. Кузнецовой «Живое слово Севера» о словаре М. И. Романова, один из экземпляров которого хранится в архиве Словарной картотеки Института рус-

³ Романов М. И. У Горького // Север. 1937. № 3. См. также: Летопись жизни и творчества Горького. М., 1960. С. 20.

ского языка РАН. Автор статьи считает, что составитель словаря обнаружил незаурядные лингвистические способности, и это проявилось в точности передачи местного произношения, в хорошем знании скандинавских (норвежского и шведского) и угро-финских языков. О. Д. Кузнецова отмечает, что в словаре устьянских говоров, содержащем более 4,5 тыс. слов, широко представлена самая разнообразная лексика: производственная (сельскохозяйственная, охотничья, местных промыслов), названия местного ландшафта, лексика, относящая к природе вообще, названия животных и растений, названия и прозвища людей по каким-либо качествам, бытовая лексика. В словарь включено много старинных слов, известных по памятникам древнерусской письменности и утраченных современным литературным языком. Особо автор статьи отмечает иллюстрированный материал словаря — запись живой диалектной речи, пословицы, присловия и др. В заключение О. Д. Кузнецова пишет, что богатство устьянского словника, фразеологические выражения, точные и ясные толкования значений слов делают словарь М. И. Романова подлинным памятником диалектной речи и ценным источником для изучения севернорусских говоров.

С 1947 г. М. И. Романов добывается пересмотра своего дела, но лишь 29 декабря 1955 г. Архангельский суд отменил решение тройки НКВД «из-за отсутствия состава преступления». В 1956 г. М. И. Романов скончался, похоронен на кладбище в д. Пезме.

В фольклорном хранилище Рукописного отдела ИРЛИ хранится коллекция М. И. Романова (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 66) — и это, видимо, большая часть его архива. История формирования коллекции такова. Как упоминалось выше, в июне 1936 г. М. И. Романов прислал в Фольклорную комиссию Института антропологии и этнографии АН СССР свои фольклорные материалы. В 1939 г. по постановлению Президиума Академии наук СССР фольклорная комиссия была переведена в Институт литературы с переименованием ее в Отдел фольклора народов СССР. В Институт литературы были переданы и архивные материалы, в том числе коллекция М. И. Романова.

В 1986 г. племянник Михаила Ивановича И. В. Попов передал на хранение в Пушкинский Дом две рукописи-оригиналы М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» и «Устьянский фольклор». Первая рукопись представляет собой словарь, содержащий более 4,5 тыс. слов с Предисловием автора, вторая — своеобразную монографию, состоящую из отдельных очерков по основным жанрам фольклора, записанных краеведом в Устьянском регионе: «Свадебный обряд», «Лирика», «Песни хороводные, плясовые, шуточные», «Частушки», «Ребенок северной деревни в фольклоре и быте» и др.

В 1998 г. Михаил Исаевич Мельчик передал в Пушкинский Дом копии этих документов, перепечатанных и переплетенных в виде книги. По нашим сведениям, два других экземпляра переплетенной монографии хранятся у И. В. Попова и М. И. Мельчика. Возможно, какая-то часть архива осталась у сына Михаила Ивановича Л. М. Романова, небольшая их часть находится в музее краеведения в Вельске.

В целом рукопись М. И. Романова «Устьянский фольклор» состоит из нескольких очерков. По сведениям, полученным от И. В. Попова,

очерков должно быть двенадцать, но седьмой, восьмой и двенадцатый в рукописи отсутствуют. Оглавление рукописи позволяет представить ее содержание.

О чер к п е р в ы й. Лики древних богов

- I. Боги стихий.
- II. Бытовые боги.
- III. Духи болезней и борьба с ними.
- IV. Заговорные слова, употребляемые для лечения и предупреждения болезней.
- V. Духи вод и лесов.
- VI. Бывальщины о леших, колдунах и др.

О чер к в т о р о й. Канонизированный фольклор Областные культы Севера и древние торговые пути

- I. Канонизация фольклора.
- II. Областные культы времен феодализма.
- III. Первичные культы.
- IV. Киево-новгородский культ Перуна.
- V. Ростовский Волос и боги Тмутаракани.
- VI. Культ Георгия на Ваге и Двине.
- VII. Охотничьи и пастушьи заговорные слова.
- VIII. Единство происхождения культов Устюга, Устья и Вятки.
- IX. Скандинавское происхождение культа Прокопья.

О чер к т р е т ь и й.

Начало отсутствует.

- IV. Сказание об антихристе и кончине мира.
- V. Фольклорные отражения истории церкви на Севере.
- VI. Фольклор, отражающий упадок и отрицание религии.

О чер к ч е т в е р т ы й. Плач рабыни

- I. Варяги на Руси. Работорговля.
- II. Сказки, песни и заговорные слова, содержащие те или иные следы эпохи работорговли.
- III. Продажа в рабство, по причитаниям невесты.

О чер к п я т ы й. Свадебный обряд

- I. Сватанье.
- II. Уговорка и девичник.
- III. Утренние и вечерние причитания невесты.
- IV. Песни о женской доле.
- V. Причитания невесты по различным частным случаям.
- VI. Последняя баня невесты.
- VII. «Поезд».
- VIII. «Вышибание» невесты.
- IX. «Вывод» невесты.
- X. Передача «красоты» и обряд с сеном.
- XI. Последний девичник.
- XII. Прощание невесты.
- XIII. Свадьба в доме жениха и «хлебины».
- XIV. Заключение.

О черк ш е с т о й. Ребенок северной деревни в фольклоре и быте

(Очерк публикуется в данном сборнике)

О черк д е в я т ы й. Лирика

- I. Любовь мужская.
- II. Любовь женская.
- III. Разлука.
- IV. Измена.
- V. Брак.
- VI. Песни и другие лирические темы.

О черк д е с я т ы й. Песни хороводные, плясовые, шуточные

- I. Хороводные песни.
- II. Плясовые песни.
- III. Шуточные песни.

О черк о д и н н а д ц а т ы й. Частушки

- I. Семья, колхоз.
- II. Товарищеская среда, комсомол.
- III. Наряды, подарки.
- IV. Вечерки, игрища.
- V. Первая любовь.
- VI. Любовь легкомысленная и любовь серьезная.
- VII. Любовь покорная и любовь гордая.
- VIII. Брак.
- IX. Любовь и брак в колхозной деревне.
- X. Старая рекрутчина и Красная Армия.
- XI. Охотничество, лесозаготовки, пятилетка.

Работа М. И. Романова — не только записанные им и его учениками материалы. Хотя сам он не считал себя лингвистом и фольклористом, а краеведом, он пытался осмыслить собранные материалы, причем при их исследовании он испытывал большое влияние «палеонтологической» теории Н. Я. Марра.

Представленный в настоящем издании очерк М. И. Романова по детской этнографии и фольклору имеет несомненную научную ценность. Материалы собраны в 1920—1930 гг. на небольшой территории, некогда заселенной новгородцами и в силу своего географического положения (в окружении больших лесов и болот при почти полном отсутствии дорог) отрезанной от остальной части России. Поэтому в 1920—1930-е годы здесь сохранилось еще много памятников старины. И существенно, что собиратель — местный житель, много лет изучавший историю региона, местные наречия, фольклор.

В связи с постоянно возрастающим интересом исследователей к детскому фольклору и быту публикация очерка М. И. Романова актуальна и своевременна.

Выражаю сердечную благодарность за помощь в подготовке публикации Л. М. Романову, И. В. Леонову, М. И. Мельчику, А. Келареву, Ю. И. Марченко, Н. Н. Рогозиной.

До великого сдвига 1917 г., а во многих случаях и до 1929 г., — когда началась коренная ломка старой экономики, а с ней и старого быта, — быт был строгим господином над человеком северной деревни. Выработанный далекими веками, переплетенный устаревшими воззрениями и идеологией, он везде выдвигал свои формы и свои нормы. Это был неписанный кодекс правил и законов, форм и обычаев, воззрений и верований. Кодекс этот освобождал деревенского жителя от излишнего раздумья. Все было дано и выработано далекими поколениями. Оставалось только катить жизнь по пробитому руслу. Но в то же время он был оковами мысли, китайской стеной, отгораживающей человека от реального мира, от возможности осмыслить этот мир. Поэтому, с одной стороны, с разбитым бытом уходят в прошлое кое-какие привлекательные для человека северной деревни черточки и воспоминания, но, с другой, с разбитым бытом уходит черная туча предрассудков, суеверий и тяжелых обычаев, угнетавших, а то и уродовавших не только мысль и воззрения человека, а нередко и его тело.

Быт в большинстве случаев сопровождался фольклором. Фольклор был его неписанным священным писанием. Фольклор воспринимался не как плод фантазии, а как нечто реальное, когда-то бывшее и в некоторых случаях могущее и в настоящее время быть активным орудием в жизни (заговорные слова). Быт и фольклор окутывали северного человека его рождения до смерти.

Здесь мы делаем попытку разобраться в быте и фольклоре, окружавших ребенка устьянской деревни, начиная с его утробной жизни и до школы. В школе начиналась уже современность даже и до 1917 г. До школы ребенок был погружен в далекие века, не уходившие дальше XVI столетия. В школе он сразу касался, хотя и очень поверхностно, XIX—XX вв.

Весь материал собран в пределах Дмитриевского сельсовета, главным образом в деревнях Кырканде и Мехренге.

I

«ПОНО́СЫ» И «ПРИНО́СЫ»

Беременность в Дмитриевском сельсовете называется «пони́сами». Она не освобождала женщину от работы. Обычная ее трудовая нагрузка не уменьшалась ни на йоту даже за несколько дней до родов. Принималась только единственная предосторожность, предосторожность от «порчи», от «уроков», от «сглазу» и тому подобных магических болезнетворных факторов, гнездящихся в первобытном мышлении. Женщина вообще считалась более «урочливой», чем мужчина, а беременная — тем более. Это был для нее самый «урочливый» период в жизни.

Для ограждения от «порчи» женщина носила в это время навязанную вокруг тела какую-либо рваную тряпку со множеством узлов или обрывок старого невода или мережи. Последнее считалось более действенным, так как ограждающей силой обладали узлы, а узлов на неводе или мереже было больше. Магическая ограждающая сила узлов проступала не в этом только случае. Для закрепления заклинания часто завязывались узелки на особой веревочке или ниточке.

В период беременности «порча» могла проникнуть снизу, через детородное отверстие, поэтому обрывок мережи или узловатая тряпка спускалась как можно ниже. Для той же оградительной цели завязывались узелками, с наговариванием оградительных заклинаний, также пояс, завязки фартука, лямки сарафана, гайтан¹ креста и вообще все, что только можно завязать узелком. После родов «порча» могла попасть через рот. Для заграждения этого пути женщина первое время после родов долго ходила, закусив завязанный узлом кончик головного платка.

Но этого мало. Необходимы были и более активные оградительные действия. Таковыми были окуривания и жаркие парные бани, сопровождаемые шептанием оградительных слов. Для этих манипуляций время от времени приглашались деревенские знахарки, главный доход которым давали именно женщины, беременные, родящие и недавно родившие. В бане нужно было мыться или, по крайней мере, окачиваться после мытья «живой водой», т. е. водой, взятой или из гремучего ключа или с речного перебору, или из-под снега, где вода все время журчит. Некоторые знахарки приготавливали и искусственную «живую» воду.

В предыдущих очерках этой книги приводилось уже немало оградительных заклинаний.² Все они могли применяться при мытье в бане. Были и специальные. Во многих из них магической силой обладало само «слово», без обращения к какому-либо духу или божеству. Но во многих сквозит — часто встречавшееся нам в первых очерках — женское божество, называемое то «красной девичей», то «Марьей—Мариной—Маремьяной», то «Пресвятой Богородицей». В специальных же заговорных словах, приспособленных к беременности и родам, эта богиня чаще всего называется «бабушкой Соломонидушкой, Христовой повиваленкой». Часто выступают тотемические перевоплощения этой богини: птица Мымра (олицетворяющая женский детородный орган), щука, белогривая кобыла, белая береза, реже всего, лебедь.

В банных заговорах часто обращаются к чудодейственной силе воды, без всяких других персонажей. Например:

Господи, благослови!
Чиста, свята водичка,
Мехреньга-матушка,
Смой всяку грязь

И всякую хворобу.
Откуль пришло,
Туда и поди:
С людей — поди на людей,
С ветра — на ветер,
С листьа — поди на лист,
С травы — на траву,
С земли — так на землю,
С воды — так на воду,
Из бани — так в баню.
От кого пришло, на того и поди.
Чье сало, тот и мажься,
Чья грязь, тот и марайся.

Иногда вода связывается с каким-либо тотемом той же богини, например, с лебедем:

На той чистой святой воде
Плавают гоголи да лебеди.

Иногда на арену выступает «огненная река»:

Под восточной стороной
Стоит огненная река
От земли до неба,
От востока до запада.
Ограждает та огненная река
Рабу Божию ...

После бани старательно восстанавливались все развязанные пред баней узлы и, по возможности, завязывались новые. При завязывании каждого узелка говорилось специальное коротенькое заклинание:

Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Пособи мне, рабе Божией...
Узелочки вязать,
Всякой немочи, недужности
Путь заказать.

При опоясывании бедер узловатой тряпкой или мережей говорилось:

Надеваю я, раба Божья,
Броню крепкую, булатную,
Броню огненную,
От всякой немочи, недужности,
От порчи, от сглаза,
От уроков, от озевов,³
От всякого злого лихого человека.

Хорошо, если женщина благополучно проходит с ребенком до самих родов. В случае какой-либо болезни выдвигался целый арсенал заговорных слов, целые застенки самых диких «врачебных» средств, вплоть до питья собственной мочи и подвешивания за ноги.

Рождение ребенка, или «приносы», редко сопровождалось медицинской помощью. Более действенным считали приглашение не акушерки, а знахарки. Даже и теперь устьянские женщины далеко не всегда приглашают на роды представителей медицины. Влияют на это и объективные условия — все еще малое количество акушерских пунктов.

По древнему обычаю, сохранявшемуся местами до 1917 г., женщина не должна была рожать в избе. Для родов она уходила в хлев или в баню. В XX в. многие отдавали дань старому обычаю уже только тем, что в самый момент родов уползали к порогу и там рожали. Но в середине XIX в. этот обычай настолько был абсолютен, что даже зимние холода не служили извиняющим предлогом для отступления от него. Одна старуха из богатого крестьянского дома рассказывала мне, как она в трескучие зимние морозы мучилась два дня в холодном хлеву, пока родила. Результатом этого была тяжелая хроническая женская болезнь. У ее свекра имелось вдоволь жилых помещений: две «избы», две «горницы» и одна «скотнюха». Но во всех этих помещениях имелись «боги», а перед лицом «богов» роды считались кощунством, «мерзостью женской».

Роды должны были происходить тайно. Даже муж родильницы, если это возможно, не должен был знать о них. Роды считались чрезвычайно «урочливым» моментом и всякая «дума» постороннего человека, всякий «взор», всякий «озев» (выкрик) могли причинить роженице тяжкие муки и болезни. О родах знали обычно только свекровь и бабушка-знахарка. Некоторые женщины обходились и без этих свидетелей, совершая роды в абсолютной тайне и в совершенном одиночестве, среди бессловесного скота, где-нибудь под яслями.

Родившая сама, обязательно зубами перекусывала пуповину, приговаривая:

Господи, благослови!
Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Приди, пособи!

Перекусивши пуповину, она говорила:

Сама маги родила,
Сама пуповину закусила,
Нутряную, мясную,
Жилияную, костяную.

Бабушка Соломонушка,
Христов повиваленка
В головах стояла,
Христа призывала.

На время родов сбрасывались всякие пояса, узловатые тряпки и обрывки мережи. Не потому, что они мешали физически, а потому, что им приписывалась магическая задерживающая сила, не только против проникновения «порчи» внутрь женщины, но и против выхода из нее плода. Делался разрыв даже по краю подола нижней рубашки и обязательно зубами и руками, не прибегая к помощи металлических орудий. Особенно большая задерживающая сила приписывалась подолу, если он окаймлялся узорчатой оторочкой. Рисунок оторочки состоял обычно из разного рода скрещивающихся линий и узлообразных переплетений. Этим и объясняется его оградительная сила. Магической задерживающей силой обладал также «охлупень» — желоб, покрывающий гребень крыши и снабженный на своем переднем конце резной лошадиной головой. Чтобы уничтожить его задерживающую силу, муж родильницы сдвигал охлупень немного в сторону.

Нужно заметить, что женщины старой деревни отличались способностью удивительно легко рожать. Поэтому даже бабушка-знахарка приглашалась только в трудных случаях. Главным орудием знахарок и в этих случаях были «слова», обращенные большей частью к бабушке Соломонушке, вроде следующих.

№ 1

Бабушка Соломонушка,
Христов повиваленка,
Приди ко мне на великую помощь,
Приди ко мне на праведны дела,
Принеси твои золотые ключи,
Отвори твои мясные ворота.
Пособи родить рабе Божьей...
Одну душеньку спаси,
Другую на свет пусти.

№ 2

Я, раба Божья ...
Спасу Христу помолюсь,
Богородице поклонюсь,
Духом святым прикроюсь,
Аминями зааминюсь,
Бабушке Соломонушке,
Христовой повиваленке,

Паду в правую ногу.
Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка
Сидит на золоте стуле,
Держит камфарное⁴ блюдо.
На том камфарном блюде
Три золоты ключи.
Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Возьми ключи золотые,
Отвори все замки костяные,
Костяные и мясные,
Мясные и жилияные.
Дай, господи, отрока-парничка,
Либо отрочицу-девушку.
Господи, душеньку спаси,
Другую на свет пусти,
На мир, на свет,
На святую Русь,
На Божью милость.

№ 3

Иногда роженица должна была сама сбегать за «живой» водой на ключ или на речной перебор. Когда роженица пила эту воду, знахарка наговаривала:

Катись, водичка ключевая,
Живая, громовая.
Сколь скоро вода катится,
Столь скоро ребенок родится.
Господи, помилуй,
Царица небесная!
Господи, пропусти
Сына земельного⁵
Либо девушку земельную,
Из ворот в ворота,
С мосту на мост,
Из замков в замки,
На Божий свет,
Под ясны звезды,
Под светлый месяц,
Под красное солнце,
К зеленым лесам,
Ко широким полям,
К синему морю.
В синем море-океане,
У острова у Буяна,
Плавает щука-белуга,
Чешуя серебряная.
Сколь светла да баска
Эта щука-белуга,

Столь бы басок был
И этот ребенок.
Большим будет —
В солдаты пойдет.
Царь его увидит,
К себе призовет.
Будет счастлив и красив,
Здоров и могучен.
Господи, помилуй,
Еси на небеси,
Поскорее принеси.

№ 4

В случае большого кровотечения говорилось:

На море, на океане,
На острове на Буяне,
Стоит гробница.
В той гробнице
Лежит мертвая девица.
Встань, мертвая девица,
Возьми иглу золотую,
Вдень нитку шелковую,
Зашей рану свежую,
Затяни рану кровавую.
Госпожа Богородица,
Уйми кровь благую.

Родивши ребенка, мать несла его в избу. Здесь его не сразу укладывали в колыбель, а проводили через обряд посвящения домашним духам, чтобы сделать членом семьи в их глазах. Первым долгом укладывали его около порога и покрывали веником. Этим он посвящался, видимо, духами-охранителями порога. «Большуха» снимала с него веник с заговором:

Как этот веник
Не шумит, не гамит,⁶
Так бы и ты,
Млад младенец,
Не шумел, не гамел,
Ничем не болел,
Рос бы, поднимался
Татьке на замену,
Мамке на помощь.
Век по веку,
Отныне до веку.

После этого ребенка несли на шесток печи и здесь обмывали, приблизительно с такими же заговорными словами, как и у поро-

га. Первоначально это было, по-видимому, посвящением духам очага.

Только после этого ребенок считался членом семьи, укутывался или пеленался и укладывался в зыбку. Только после этого можно было его матери лечь на приготовленную для нее постель.

II ПЕРВАЯ БАНЯ РЕБЕНКА

Тяжелое попрание жизни деревенского ребенка начиналось с очень серьезного испытания. Вскоре после рождения, иногда в тот же день, его несли в баню. Обмывала его здесь та же старуха-знахарка, которая присутствовала при родах. Часто в баню несли и мыла сама мать, а старуха только творила над ним свои заклинания. Баню затапливали так же жарко, как и для взрослых. Мыли ребенка в самом пару и слегка хлестали веником. Мыли до тех пор, пока ребенок не потеряет сознание и не перестанет кричать. По мнению старух, после такого мытья он должен спокойно спать.

Перед отправкой в баню читался заговор:

Встану я благословясь,
Пойду перекрестясь
Из избы дверьми,
Со двора воротами,
С малым младенцем,
С парничком Ванюшкой
В чистое поле,
Под восточную сторону,
К синему морю-океану.
У синего моря-океана
Стоит белодубовая баня,
Лавочки дубовые,
Полочки кленовые,
Каменка хрустальная,
Дровца в ней конговые,⁷
Водичка ключевая,
Банюшка парная,
Парная и неугарная.
В том синем море-океане
Живет рыба-щука,
Лоб лощеный,
Булатные зубы,
Железные щеки,
Чешуя серебряная.
Она жрет и пожирает
С малого младенца,
С парничка Ванюши,

Всякие уроки и призоры,⁸
Притчи⁹ и приговоры,¹⁰
Здрог¹¹ и переполохи,¹²
Чтобы спал он спокойно,
Крепко да угомонно,
Спал бы по ночам,
А рос бы по часам.

Во время мытья читали:

Как свята река,
Мехреньга матушка,
Бежит с запада на сток,¹³
С вершины до комели.¹⁴
Она подмывает, подъедает
Круты бережечки,
Желты песочки,
Серы камешечки,
Сносит и сорок¹⁵ и ломок.¹⁶
Так бы эта
Свята чиста водица,
Мехреньга матушка,
Смывала бы с раба Божия
Младенца Ивана
Притчи и прикосы,
Призоры и озевы,
Грыжи и родимцы.¹⁷
Скатитесь, свалитесь
В этой парной банюшке
С младенца Ивана
Отцовски думы,
Матерински думы,
Сглазы и порчи
От чернеца, от черницы,
От колдуна, от колдуницы,
От бабы-блядуньи,
От девки-пустоволоски,¹⁸
От бабы-косматки,
От пьяной пьяницы,
От поганой поганицы,
От троезуба, от двоезуба,
Как на локотке
Водица не держится,
Так на Ванюшке
Никакая скорбь не держись.
Будьте эти слова
Острее булатного ножа,
Острее щучьего зуба.
Слова мои — замок,
А ключ в море.
Когда ключ найдется,
Тогда слова разомкнутся.

После мытья, при одевании и пеленании, говорилось:

Господи, благослови.
Вымылся, выпарился
Сердечное дитяtko
На сон, на рост,
На добрую милость.
Спи по ночам,
Рости по часам,
Будь спокоен,
Будь угомонен,
Чист, обиходен,
Татеньке с маменькой
Спать не мешай.
Каменка, каменка,
Как ты спишь, не гамишь,
Так бы и Ванюшка
Спал, не гамел,
По ночам не ревел.
Каменка, каменка,
Отдай свой сон-угомон,
Возьми бессоницу,
Бессоницу-беспокоицу
От раба Божья Ванюшки.
Благослови, Христос!
Вымылся, выпарился
Сердечное дитяtko.
Цветное платье на плечи!
Добрые мысли на разум!
Здоровье да покой
Возьми с собой.
Худерьбу за баней оставь.
Будьте мои слова ... и т. д.

Главной целью всех этих заговорных слов было сделать ребенка спокойным, нетребовательным, не мешающим взрослым своим плачем ни днем, ни ночью. Для приведения ребенка в спокойное состояние подобные бани повторялись очень часто. В первую ночь принесенный домой в бесчувственном состоянии ребенок иногда действительно спал спокойно. Этим обстоятельством долго поддерживалась репутация парной бани как универсального средства при всех болезнях ребенка. Слабые не выдерживали пытки и умирали. Сильные выживали.

По мнению старух, успокоительным фактором в бане были не самое мытье ребенка и его запаривание до полусмерти, а заговорные слова. Баня топилась только потому, что заговорные слова лучше «льнули», когда человек находился в распаренном состоянии. То есть воззрение на баню и здесь было то же самое, что и при мытье в бане невесты, жениха, молодых супругов, при возвращении с долгого пути, при отправке в дорогу и т. д. Во всех

этих случаях баня была только хорошим «проводником» для магической силы заговорного слова.

Невольно возникает мысль, что баня вошла в человеческую жизнь совсем не как санитарная мера, а как ритуальный магический обряд. Это подтверждают магометанские омовения песком и христианские «крестины», где омовение в воде ни в какой мере не рассматривается, как мера санитарная, а, безусловно, как магическая обрядность, ограждающая от «нечистых сил». К этому же порядку магических манипуляций относится прысканье водой изо рта через горячий уголь, так часто практиковавшееся когда-то в устьянской деревне.

III КРЕСТИНЫ

Церковная обрядность крестин, хотя и почиталась обязательной, но стояла особняком от других форм обрядности, окружавших ребенка. От нее веяло большой дозой официальности, казенщины. Крестины в редких случаях совершались на дому. В большинстве случаев, отец или мать ребенка несли его на погост и там совершали обряд крестин. Священник получал соответствующее вознаграждение, записывал родившегося в метрические книги, и этим дело кончалось. Крестины на дому производились только в богатых домах, где причт надеялся на хорошее вознаграждение и угощение. Только в богатых домах приглашались по этому случаю гости.

Бесцерковные браки появились в устьянских деревнях сразу после Октябрьской революции, а крещение детей держалось до 1930 г. Такая живучесть крестин объясняется боязнью, что некрещеного ребенка может похитить «нечистая сила», а после смерти некрещеный человек будет бродить «между раем да мукой». Он может превратиться даже в лешего. Первые случаи отказа от крестин относятся к 1924 г. По поводу этих случаев создавались досужими старухами фантастичнейшие легенды. Эти легенды, — несмотря на то что крещение ребят уже отошло в область преданий, — ходят еще и теперь, наряду с другими «бывальщинами», входящими в местный фольклор. Приведу две таких «бывальщины».

№ 1 Случай с Павлой

Павла-та, — да и все они, вся семья — от церкви-то отказалась. А как ребенка-та принесла, так и нехорошо было попа-та звать. Ну, и не созвали. Диковинно было всей деревне, — как

это, некрещеный ребенок в дому? А они только похохатывают да шпакурят¹⁹ над старухами. Да недолго шпакурили. Дождались! Мужик-то уехал куда-то. Они вдвоем с сестрой остались. Ну вот, ночью, только надошла глухая ночь, только уснули все на деревне, вдруг — шум, гам, колокольцы поют! Наехало к ним на улицу кого-то видимо-невидимо. Выглянули они на улицу. А ночь была месячная, светлая. Видят — люди наехали росту оградного, кони до сараю, а дуги выше крыш сверкают.

Поняли они, что дело-то неладно — лешаки наехали. Достали иконы из подполья, поставили на божницу, да и давай богу молиться! Все стены и окна и двери закрестили.

А с улицы им кричат:

— Отдайте нам ребеночка! Наш ребеночек, — некрещеный!

По подоконью лешаки бегают, в окна стучают, в двери лмятся.

Всю ночь они перед иконами простояли и ребеночка под иконы положили. Едва отмолились. По три ночи вот так было. Пришлось окрестить ребеночка.*

Эта легенда появилась впервые километров за 20 от той деревни, где обреталась ее героиня — Павла. Единственным невымышленным фактом было то, что ребенок родился и окрещен не был. Нужно сказать, что некрещеным он и помер. Всего страннее то, что когда эта легенда перекочевала в павлину деревню, то старухи деревенские восприняли ее как факт, прекрасно зная, что ребенок оставался некрещеным до смерти. Такое состояние верящей себе лживости у деревенских создателей «бывальщин» — явление частое.

№ 2

Случай на Низу

На Низу** где-то пошла баба одного коммуниста в другую деревню, к матери. А идти-то лесом. А шла она с ребеночком. А ребеночек-то некрещеный. Из дому-то пошла не рано. Дорогой-то и призапоздала. Вот ие и начало водить.*** Ей кажется, что дорога хорошая. Она идет да идет. Тут стало ей казаться, што долго что-то осека²⁰ нет своей деревни. Остановилась, оглянулась — оно, ни дороги, ни тропки никакой нет, а стоит она в глухом лесу, в согре.²¹ Она и бает:

— Охти мне! Господи, куды я попала-та?

* Рассказывали в д. Кырканда.

** Низ — среднее и нижнее течение р. Устьи.

*** «Водит» нечистая сила. «Водило» — блуждал, блуждала. — Охти мне! Господи, куды я попала-та?

Тут как захохочет кто-то, да заговорит:

— Ха-ха-ха! Тут вишь и Господа вспомнила!

Посмотрела она в ту сторону, а на сосне теленок сидит да и хохочет и хохочет, только по всему по лесу раздается. Она бежать! Бежала, бежала. Смотрит — деревня какая-та. Кругом лес, полей нет, а дома хорошие. Само светло стало, как днем. Вдруг, из домов-то и завыскакивали лешаки. Похожи на людей, а только большие и черные. Бежат лешаки к ней и кричат:

— А, принесла к нам нашего-то парня.

— Давай, давай, давай!

Встали наокруг да и кричат: — Давай, давай, давай!

Видит баба, что дело неладно. Села на землю, очертила вокруг себя круг с воскресной молитвой, да наложила гойтан от креста на шею ребенка, да и сидит. У самые-то не крест-от был, вишь. Сидит, да воскресну творит.

Долго ли, коротко ли сидела. Опять все пропало. Вдруг видит — корова идет мимо. Подойдет да поест, да опять идет. Баба и думает:

— Видно, деревня близко. Давай, пойду за коровой.

Пошла за коровой. Идет да молитвы творит. А корова поест, да дальше идет. А ночь светлая, месячная. Шли, шли. Смотрит — огород, а за огородом поле. В поле хлеба шибко хорошие, только перезрели шибко. Колосья так к земле и клонятся.

— Что за чудо, — думает баба, — пошла, — так только селяи еще, а тут уж хлеб созрел? — А корова подошла к воротам в поле и стоит. Баба отворила ворота. Корова в поле зашла, да по дороге и идет. Баба за ней. Пришли в деревню. Материна деревня-та. Только, у коих домов окна выбиты, у коих заколочены. Ворота все нараспашь. Улицы травой заросли. Видит, что никого живого нет в деревне. А посередине деревни лежит груда человеческих костей.

Упала баба на колени. Зачала молиться, зареклась, что ребеночка окрестит. Только зареклась, вдруг все пропало. Стоит она на коленях у материна дома, у крыльца. На деревне все спят. Вот, достукалась она. Отворила ей мать ворота, она зашла, да все и рассказала. Наутро мать встала, да скорее до попа, да и окрестили ребеночка».

В последнем «случае» фантазия не была стеснена близостью и определенностью места и лиц, а поэтому разыгралась вовсю. Фольклор этого рода возникал в верхушечных слоях деревни. Характерно, что после раскулачивания такие «бывальщины» и «случаи» стали встречаться реже. Следует, пожалуй, отметить, что под термином «случай» появился несколько особый вид фольклора, значительно отмежевывающийся от «бывальщины». Именем «сказка» определяется фантастический рассказ без вре-

мени и пространства. Под термином «бывальщина» ходят чудесные или странные рассказы из довоенного времени. «Случай» целиком относится к периоду войны и революции. В нем особенно животрепещущи моменты современной классовой борьбы.

До 60-х годов XIX в. в очень захолустных лесных деревушках крестины совершались с разрешения священника, какой-либо старухой или стариком, знающим соответствующие молитвы. Таковы были, например, починки по реке Ерге (теперь Устюжского района). Летом туда не было возможности попасть даже верхом. С трудом проходили пешие. Священник, в свои редкие наезды, только довершал крещение, произведенное без него, — миропомазанием (а похороны — общей молитвой над умершими и похороненными).

На этой почве развилась и существовала особая форма фольклора — крестильные заговорные слова. Сейчас эта форма фольклора совершенно позабыта даже и на Ерге. Я воспроизвожу его по словам одной старухи из д. Кырканда, жившей до замужества в батрачках на Ерге. По ее мнению, обряды, совершавшиеся старухами, были еще лучше поповских. «Што поп, — говорила она, — принеси ему воды хоть из болота, так он все равно крестит. Он насчет воды ничего не понимает. Ему бы отзвонить языком да отмахать кадиллом, да и ладно. А старуха-то велит принести самолучшей «живой» воды. Вот, принесут ей воду, затеплит она перед иконами свечки, да и прочитает над купелью заговорное слово. Это еще до крестин сделает. Скажет:

Жива свята водичка,
Ерга-магушка,
Как ты бежишь, шумишь,
Позваниваешь, поговариваешь,
Не знаешь ни тоски, ни печали,
Ни горя, ни невзгоды,
Так и раб Божий
Младенец...
Рос бы да радовался бы,
Матери во утешенье,
Отцу на помощь,
Не знал бы ни тоски, ни печали,
Ни горя, ни невзгоды.

И все поповские молитвы она скажет не хуже попа да и еще много прибавит. Дошлая была старуха, настоящая знатуха. Всего-то я не помню, что она говорила. Вот, как в купель погружала, так говорила:

Крещается раб Божий
Младенец...
Во имя Отца и Сына
И Святого Духа.

Мать Пресвятая Богородица
В головах стоит.
Бабушка Соломонушка
За рученьки держит.
Ангел Господен
У дверей сторожит,
Тугой лук держит
Со стрелонькой громовую.
Уж ты, мать Пресвятая Богородица,
Надели раба Божия
Младенца. . .
Счастьем и удачей
Во всей его жизни,
Во всех его делах.
Уж ты, бабушка Соломонушка,
Христова повиваленка,
Рости его, да укладывай его,
У зыбочки сиди,
Да во все стороны гляди.
А ты, андел Господен,
Отстырливай и отбивай от него
Уроки и призоры,
Люцкие переговоры,
Всякие недуги и немочи,
Помехи и грыжи,
Вздоги и переполохи,
От ясных очей,
От могучих плечей,
От черной печени,
От крови горячие
И ныне, и присно,
И вовеки веков. Аминь.

Вот уж это крещенье так крещенье было! А от нынешних попов поди и пользы мало. Только, чтобы леший не уволок».

В сказках крестины отразились темой приглашения в кумовья какой-либо сверхъестественной личности. На эту тему из устьянского фольклора можно привести сказку о куме-смерти.

Смерть-кума (сказка)

Жили мужик да баба. Они жили бедно. Вот, баба принесла парничка. Старик пошел искать божатку. Шел, шел, да и встретил старушку.

— Одержи у нас парничка.

— Одержу.

Старик приходит домой и бает бабе:

— Вот, баба, нашел куму.

Когда она одержала, мужик стал спрашивать.

— Ты чья, да откуда?

Она отвечает:

— Я — смерть, ты топере живешь бедно, так вот, богатей. Я буду ходить, людей морить, а ты ходи лечить. Ты меня будешь видеть, а другие не будут. Когда я буду сидеть в головах, то лечить не примайся, а когда в ногах, лечи.

Она рассказала ему, как наделать лекарства, из каких трав, и ушла.

Жили-поживали. У купца захворал сын. Вот, этот мужик и поехал лечить. Приехал, заходит в избу и смотрит — где сидит смерть? Увидел, что смерть сидит в ногах, и бает:

— Я вылечу. Что дадите?

— Ничего не жаль, только вылечи.

Мужик дал парню попить из одной шкатулочки. Смерть ушла. Через несколько дней сын у купца стал здоров. Заплатили сто рублей.

Вот, у другого купца захворала жена. Купец и поехал по лекарю. Его уж широко весть пронесла. Приезжает и говорит:

— Пошепчи-ко мне. Жена не может, так может оздоровеет.

— Нет, я не шепчу. Мне надо посмотреть, как болит.

Вот, купец повез его домой. Приезжают. Старик взглянул на бабу — и бает:

— Давайте двести рублей, так и вылечу.

— Што хошь бери, а только вылечи.

Вот, он дал ей попить, купчиха и оздоровела.

У лекаря был брат. Он жил богато. В один праздник брат и говорит своей жене:

— Я лягу на кровать, а ты сбегай к брату. Надо узнать вправду ль он знает лечить.

Вот, баба захватила туюсок с водой побежала. Прибежала к лекарю и говорит.

— Ох, мужик-то занемог! На-ко пошепчи чего, да иди к нам, посмотри.

— Я шептать не знаю. Мне надо посмотреть.

Зашел мужик в избу. Видит, смерть сидит в головах. Он и бает:

— Нет, не вылечить.

Брат вскочил с кровати и хлесь лекаря кулаком. Тот на пол упал. А и брат с сердца-то тут же упал, да и умер.

Вот, жили-пожили. Долго уж времени прошло. Старик да старуха вовсе разбогатели. Приходит тут смерть и бает:

— Ну, куманек, стар ты. Умирать тебе пора. А старику умирать неохота.

— Ой, ты, кума, дай ты мне прожить хоть три годика.

— Ну, поживи.

Ушла смерть, живет мужик год, живет другой и третий, все богатеет да богатеет. Кончился срок. Приходит смерть.

— Ну, куманек, пора умирать. Ты стар стал.

— Ой, кума, дай пожить, ну, хоть годик еще.

— Ну, живи еще год, а тут не проси больше. Приду и уморю. Вот, мужик начал гроб строить. Состроил на пружинах. Как ляжет да качнется, так гроб и перевернется передним концом назад. Дождается старик смерти, сам бахвалит:

— Я теперь смерть перехитрю.

Вот, смерть приходит.

— Ну, куманек, умирай!

— Ладно, кумушка, я готов. Только был ведь у нас уговор, что с головы морить.

— Был.

— И меня с головы уморишь?

— Ладно, с головы.

— Сделаем еще уговор. Токо уморишь этот раз, так ладно, а не уморишь, так больше не приходи.

— Ладно, ладно, — похохатывает смерть, — ты ложись только, а уморить-то я сразу уморю.

Лег старик в гроб. Смерть села к нему в головы. Мужик качнулся, гроб перевернулся другим концом. Смерть опять перешла к голове. Мужик опять качнулся. Гроб опять перевернулся. Смерти опять пришлось переходить. Ходила, ходила смерть, кружилась, кружилась, осердилась.

— Ох ты, еретик, — говорит, — досуг ли мне тут с тобой лгаться! Той порой надо бы уж сорок человек уморить. Нассю я на теба-та. Сам умрешь, еретик!

Смерть ушла. Старик рад. Бахвалит всем:

— Ну, топере я навеку не умру.

А смерть уморила всех, кого опоздала морить, да и думает:

— Как бы мне кума уморить?

Думала, думала — придумала. Написала на бумажке:

— Кто эту бумажку прочитает, тут же умрет.

Приклеила эту бумажку к стариковым воротам. А старик вставал рано. Встал он утром, вышел на улицу и прочитал бумажку. Только успел проговорить:

— Ох, кума перехитрила меня!

Тут же упал и умер. А смерть бумажку сорвала и убежала. Пришли домашние на улицу. Смотрят — дедко мертвый лежит.*

* Акишин Михаил. Д. Закреж.

Частушки почти не отозвались ни на самые крестины, ни на их отмирание. Только в стенгазете местной школы-семилетки встречались частушки, вроде:

Поп с кадилом, долгогривый,
Не макал меня в купель.
Ни к чему теперь считается
Такая канитель.

Не крестили нас, не мазали,
Немазаны живем.
В комсомоле жить научимся,
Да в партию пойдем.

Теперь даже самое слово «крестины» мало понятно устьянской деревне.

IV ЗАГОВОРЫ И МЕРЫ ПРОТИВ РЕВЛИВОСТИ И БОЛЕЗНЕЙ РЕБЕНКА

Скверные санитарные условия деревенских изб вызывали часто болезни и, как их следствие, беспокойное состояние детей. Между тем, основное требование, предъявляемое единоличным бытом к ребенку колыбельного возраста, это быть «спокойным и угонным». Спать, спать и спать, вот чего желали бы для него все окружающие. В бодрственном состоянии он представлял обузу для всех. Его усиленно укачивали. Затыкали ему рот грязной тряпкой с жвачкой. В крайнем случае, опять и опять прибегали к упариванию до потери сознания в бане и к заговорным словам, отгоняющим от ребенка беспокоящие его злобные силы. Для отогнания этих сил на зыбке вырезалось изображение креста и других магических фигур, вроде лошади или всадника (то-тем бабушки Соломонидушки).

Главным врагом детей, по представлению деревенских старух, была тихая проказливая полуночица. Поэтому большинство заговоров, долженствующих успокоительно действовать на ребенка, относятся к заговорам от полуночицы. Их ходило очень много. Здесь приводятся только кое-какие варианты.

ЗАГОВОРЫ ОТ ПОЛУНОЧИЦЫ

№ 1

Говорится в бане.

Полуночица, денная, ночная,
Минутная, полуминутная,

Часовая, получасовая,
Не тронь и не шевели
Раба Божья младенца...
Пяток не щекоти.
Не тешься, не потешайся
Над младенцем ...
Тешься-потешайся
В парной бане
На частой камнице,
Над серым камнем.
Поди с парком
Дымовым окном,
С дымом кудрявым
В дымно окно,
В темны леса,
В зыбучи болота,
В пустые наволоки,²²
Где люди не ходят,
Петухи не поют.
Как у серого камня
Нет ни щипоты, ни ломоты,²³
Ни болезни, ни опухоли.
Так бы у младенца ...
Не было ни щипоты, ни ломоты,
Ни болезни, ни опухоли.
Ключ в воду,
Замок в рот. Аминь*

В этом заговоре стерлись грани между отдельными духами отдельных частей суток. Все они отнесены к одному роду полуночницы, действующими в различные моменты суток.

№ 2

Ночная полуночница,
Не шуми, не гами,
Не тешься, не потешайся
Над Божьим ребенком,
Над Павлушком.
Тешься, потешайся
В темном лесу
Над белой березкой,
Над шелковым прутьем,
Над зелеными листочками,
Там, где люди не ходят,
Собаки не лают,
Петухи не поют.
Там тебе место,
Там тебе жило.²⁴
И ныне и присно
И вовеки веков. Аминь.

* Записал учитель А. Ф. Челпанов в д. Лихачево.

№ 3

Заговор начинают говорить у зыбки, опрыскивая ребенка водой через горячий уголь.

Ночная полуночица,
Утренняя, полуутренняя,
Денная, полуденная.
Часовая, получасовая,
Сойди с младенца,
Раба Божья . . .
Поди в темные леса,
В зыбучи болота,
Где-ка люди не ходят,
Собаки не лают,
Петухи не поют.
Там тебе честь и жира.²⁵
Там тебе покой и угомон.²⁶
Там тебе место и местичко.

Кончается заговор возлиянием воды сквозь дверную скобу со словами:

Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Возьми свои ключи золотые,
Затвори двери избянные,
Затвори светлые окна
И печную задвижку.
Не пуцай в нашу горницу
Ночной полуночицы,
Утренней, полуутренней,
Денной, полуденной,
Часовой, получасовой,
Замок на двери,
Ключ в воду,
Отныне до веку
Аминь повеку.*

ЗАГОВОРЫ ОТ ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЕЙ

№ 1

Заговор от «банного наброду» и «перечесу»

«Перечесом» называется чесотка, «банным набродом» — все остальные накожные болезни.

Встану я, благословясь,
Пойду, перекрестясь

* Записал Степан Паршин в д. Мехреньга.

Из избы дверьми ... и т. д.
В чистом поле
Стоит парная баня,
В той парной бане
Стоит золотой стул.
На золоте стуле
Сидит сама
Пресвятая Богородица.
Она моет, промывает
Младенца Пáвлушка
От банного наброду,
От ночного перечесу,
От ветрянного наносу,
От людского переговору,
От отцовской думы
От материнской думы...*

№ 2

Заговор от всяких детских болезней

Встану я, перекрестясь,
Начну, благословясь.
Выйду под восток,
Под восточну сторону.
Под восточной стороной
Стоит свято сине море-окиян.
На том на море-океане
Стоит Божья церковь.
Во святой Божьей церкви
Стоит золот стул.
На том золоте стуле
Сидит сама Пресвятая Богородица,
Направо Пятница-Парасковья,
Налево бабушка Соломонушка.
Она держит камфарово блюдо,
На камфаровом блюде
Золоты ключи.
Отпирают они
Святые студенцы
Со живою ключевой водой.
Прыскает она той святой водой
На раба Божья, младенца ...
Выгоняет из него уроки,
Здрогги, переполохи,
Дорожные уроки
Из буйной головы,
Из ясных очей,
Из могучих плечей,

* Записал учитель А. О. Волков в д. Михалево.

Из черной печени,
Из крови горячая,
Из жил из твоих,
Из каждой жилки,
Из каждой кости,
Изо всех жил,
Изо всех костей...*

№ 3 В бане

Здрог, переполохи,
Мимоходы, родимцы,
Не тешьтесь, не потешьтесь
Над рабом Божиим,
Над младенцем Васенькой.
Белого тела не вередите,
Подошв не щекотите,
Ночью не кливите**
Тешьтесь-потешайтесь
В чистом поле.
Там стоит белая береза,
Шелковые прутья,
Бумажные листья.
Там вам и место,
И местечко.***

№ 4 Заговор с тотемом бабушки Соломонидушки — кобылой

Встану я, благословясь,
Пойду, перекрестясь ... и т. д.
В чистом поле
Стоит белая береза.
Под белой березой
Стоит белогривая кобыла.
Она топчет, притаптывает,
Сушит, подсушивает
Банный наброд,
Ночной перечес,
Людской переговор,
Отцовскую думу,
Материнскую думу...****

* Записал учитель А. О. Волков в д. Михалево.

** *Кливить*— вызвать плач.

*** Записал М. Акишин, д. Мехреньга.

**** Записал учитель А. О. Волков в д. Михалево.

№ 5

В тяжелых болезненных случаях, когда родители желают какого-либо исхода, — или выздоровления ребенка, или его смерти, — обращаются к земле. Ребенка проносят над ямой, выкопанной в земле, и приговаривают:

Земля-матушка,
Как твой раб —
Так себе бери.
Как мой раб —
Так мне отдай.

№ 6

Вместо ямы часто перетаскивают через межу, говоря:

Как эта межа
Лежит в чистом поле,
Режет его и разрезает,
Делит его и разделяет,
Так же и ты,
Матушка сыра земля,
Положи межу
На болезнь раба божия
Младенца ...
Как твой раб —
Так себе бери.
Как мой раб —
Так мне отдай.*

№ 7

Запекание и засекание болезни

Если ребенок родился болезненным, то его «допекают» в печке и рубят его болезнь («худерьбу») топором. Мать пеленает ребенка, кладет его на лопату и пихает в печь.

Помогающая ей старуха спрашивает:

— Што пекешь?

Мать отвечает:

— Худерьбу.

— Пеки к запеки.

— Пеку и запеку.

Вынув ребенка из печи, кладут его на пол и прикрывают корытом. Мать рубит по корыту топором.

* Записи учеников Мехренской школы.

- Што секешь? — спрашивает знахарка.
- Худерьбу.
- Секи и засеки.
- Секу и засеку.*

№ 8

Укрепляющий заговор

Дай, Господи,
Дорогому дитятку,
Младенцу Павлушку,
Умок, разумок,
В роток говорок,
Моготу да силу
В каждую жилу.
Ножки-ходюльки,
По полу ходите,
Павлушка носите.**

ДЕТСКИЕ ЗАГОВОРЫ

Даже сами ребятишки употребляли некоторые заговоры.

№ 1

Заговор над болячкой

Заговор говорит не больной, а кто-либо из его товарищей, обчерчивая больное место камешком дресвы.

Как этот сыпуч камень
На песочик рассыпается,
Так же бы и железа
У раба Божья Павла
Рассыпалась бы
И пропала бы.
Век по веку
Не стало бы до веку.
— Черти и зачерти! — просит больной.
— Черчу и зачерчу! — уверяет заклинатель.

* Записали ученики Мехренской школы.

** Записали ученики Дмитровской школы.

№ 2

Заговор от бородавки

Бородавку обвязывают ниткой и говорят:

Обвязываю бородавку
Ниточкой в удавку.
Когда ниточка изгниет,
Тогда бородавочинка сойдет.

Нитку бросают в такое место, где она может скоро сгнить.

№ 3

Заговор над небольшим порезом

Тянут над ранкой нитку за оба конца, с приговором:

Шла баба по нитке,
Нитка урвалась,
Кровь унялась.

№ 4

Шуточный заговор

К туесу — крышка,
Под крышкой вода.
Плюнь три раза!
Выпучи глаза.
Хуже не будет,
Лучше не будет,
Так же опять.

№ 5

Когда ребенок потягивается, приговаривают тоже нечто вроде заговора:

Потягушеньки!
Порастушеньки!
Сон да рост,
Да молчаньице!
Вдоль расти,
Поперек толстей,
Мое дитяtko
Желанное!*

* Детские заговорные слова взяты из записей учеников Мехренской школы, 1928 г.

V КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Колыбельные песни произошли от заговорных слов, долженствовавших наводить на ребенка сонливость. Близость некоторых из них к заговорным словам еще довольно ясна.

№ 1

Сон шел по нитке,
Дрема по паутинке.
Нитка урвалась,
Паутинка прорвалась.
Сон да дрема
Пали Ване на глаза.
Спи, Ваня, покрепче,
Покрепче спи,
Других не буди.

№ 2

Баю-баюшки-баю!
Спи, как у Бога в раю.
Сон идет по лавочке,
Дрема по лучкам,
По веревочкам.
Ты иди-кося, дрема,
Прямо Ване на глаза.

№ 3

Байки-побайки,
После парной баньки,
После пару, после жару,
После тепля воды,
Спи, дитя, покрепче,
Покрепче спи
И других не буди.

№ 4

Лю-лю-лю, лю-лю-лю,
Спать Иванушку велю.
Спать укладываю,
Приговариваю.
Спи-ко, дитятко, поспи,
Да побольше порости.
Больше вырастешь,
В лес по ягодки пойдешь,
Много ягод принесешь.

№ 5

Спи-ко, Ванюшка, сынок,
Спи, просужей²⁷ парничок,
С Троицею,
С Богородицею,
Со Егорьем на коне,
Што на правой стороне,
Со Миколой в головах,
Да с Ильей во ногах.
Богородица, приди
Ване глазки уcati.
Покатились колеса,
Под деваты небеса,
Прямо к дремушке-старушке
В косолапую избушку,
Дрема, их не выпускай.
Спи-ко, Ваня, засыпай.

В двух первых призываются духи сна и дремы. В последней некоторое представление — чем была «дрема» древних культов. Это была старушка, живущая в избушке на курьих ножках. Дальше я приведу колыбельные песни с тотемами сна и дремы — с котом и голубем (гуленьки).

№ 6

Серые коты
По заморью шли.
Они сна много несли:
Полтора пестеря
Прямо Ване на глаза.

№ 7

Люльки-люльки-люленьки,
Налетели гуленьки,
Встали прямо к люленьке.
Стали гульки ворковать,
Ванюшку укладывать:
Спи-ко, Ванюшка, покрепче,
Будет мамушке полегче.
Нету бабушки родной,
Нету няньки нанятой.
Баю-баю баю-бай,
Мамке робить не мешай.

В некоторых случаях древнеязыческие персонажи заменились христианскими: Христом, Богородицей, ангелами и т. д.

№ 8

Баю-баюшки-баю,
Я ведь Ванюшку люблю.
А реветь не перестанешь,
Колотушек надаю.
Стукну в голову пестом.
Спи-ко, Ваня, со Христом,
С Богородицей.

№ 9

Ой, качи-качи-качи,
В головах колачи,
В ножках прянички,
В ручках яблочки.
Нету местичка простого,
Спи-ко, дитятко Христово,
Со ангелами,
Со архангелами.

Существом, мешающим ребенку спать, в колыбельных песнях является «бука». Это, видимо, детское название той же полуночницы.

№ 10

Баю-баюшки-баю.
Я-та Ванюшку люблю.
Ну-ко, бука,
Полно стукать.
Полно, Ваню не буди.
Наш-то Ванюшка спит,
Пробудить его не смить.
Полно, бука, не мешай,
Поди, бука, под сарай,
Под сараем кирпичи,
Буке некуда легчи.

№ 11

Бай-бай-баю-бай,
Поди, бука, не мешай.
Поди, бука, на повить.²⁸
Там кошку дерут,
Тебе лапку дадут.

Вместо буки выступает иногда «волчонок» или «попугай».

№ 12

Лю-лю-бай, лю-лю-бай,
Не ложись, дитя, на край.
Придет серый волченоч,
Тебя ухватит за бочок,
И потащит во лесок
За ракиновый кусток.

№ 13

Бай-бай-бай-бай.
Под окошком попугай,
Кричит: «Ванюшку подай!».
Мы Ванюшку не дадим,
Попугая застрелим.

Некоторые песни нового происхождения генетической связи с заговорами не имеют. Они юмористического или утешающего характера. В иных выражаются надежды матери на будущую помощь от сына или дочери, или, по крайней мере, надежда на то, что ребенок будет угощать мать «ягодками».

№ 14

Спи, дитя, до поры,
Не вздымай головы.
Когда будет пора,
Мы разбудим тебя.
Уж ты выспишься,
Не затрыщишься,²⁹
Станешь робить и ходить,
Станешь ягодки носить,
Станешь мамушку кормить.

№ 15

Тужки-потужки,
Поехали старушки,
Старушки запердили,
Ваню разбудили.

№ 16

Лю-лю-лю, лю-лю-лю,
Молочком накормлю.
Вот сидели дед да баба,
Ели кашу с молоком.
Осердился дед на бабу,
Дал по пузе кулаком.

Из двух последних видно, что вместо колыбельных поются другие детские песни.

№ 17

Байки-побайки,
Матере китайки,
Отцу комачу,
Сестре луковицу,
Брату кафтан,
Нани³⁰ бьет по пятам.
Пестунье поцепка
Серебрянная.
В три кольца сплетена,
На базаре куплена.

№ 18

Тешу я, тешу,
Ванюшку потешу.
Ване зыбочку повешу —
Ручки точеные,
Позолоченые.
Спи, мой сын,
Золотой кувшин,
Спи, моя дочка,
Серебряна цепочка.

№ 19

Лю-лю-лю, лю-лю-лю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Спи-ко, дитяtko, опять.

Встречаются колыбельные песни с пожеланием смерти ребенку.

№ 20

Спи, поспи,
На погост поспий.
Ване выдолбим колодку
И колечико в середку
Серебряное.

№ 21

Хоть сегодня умирай.
Завтра в колодку,
Крестик на середку.*

* Колыбельные песни записаны учениками Мехренской школы. Некоторые мной, со слов няньки Ксеньи Ипатовой, д. Горицы.

VI РЕБЕНОК МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Жизнь ребенка-дошкольника делится на два периода. Первый тянется от колыбельного периода до четырех лет; второй — от четырех и до поступления в школу. В течение первого периода ребенок считается нуждающимся в присмотре. Во втором он освобожден от всякой опеки няnek и бабок. В течение первого периода мальчик и девочка совсем не отличались друг от друга, как в одеянии, так и в отношении к ним взрослых. Те и другие носили длинные рубахи, головного убора или совсем не было, или его заменял платок. Для мальчиков этого периода характерен термин «бесштанник», в форме песенки-дразнилки:

Бесштанник,
Материн сметанник.

Младший возраст еще неспособен к сложным играм. Чаще всего он несет в игре роль утешаемого. Активную роль принимал на себя в этих играх не ребенок, а взрослый. Они сопровождались припевками и прибаутками. Некоторые из них, как и колыбельные песни, сохранили следы происхождения от заговорных слов. Есть и такие, которые употребляются то в качестве заговорных слов, то как прибаутки, например:

№ 1

Потягунюшки,
Порастунюшки.
Сон да рост,
Да молчаньице.
Вдоль расти,
Поперек толстей.
В ноженьки — ходок,
В ручки — хваток,
В ротик — говорок,
В головушку — разумок.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ РЕБЕНКА НА КОЛЕНЯХ У ВЗРОСЛОГО

№ 2

Подбрасывают на коленях, изображая езду на лошади, приговаривая:

Тужки-потужки,
Поехали старушки ... и т. д.
Чинушки-починушки,

Поехал наш Ванюшка
К бабушке по шанежки,
По репны пирожки,
По пряженочки.³¹
Сходим на болото,
Высекем рябину
На Ванину спину.

№ 3

Машут руками в воздухе, а потом гладят ими по голове:

Утки, утки, утки
Летели, летели,
На головушку сели.
Плавают, плавают.
Посидели, посидели,
Опять полетели.

№ 4

Щекочут сначала ладонь, потом переходят по руке под
мышки.

Сорока-ворона
Кашу варила,
Гостей дожидала.
Пальчик-мальчик
Весь мир облетал,
Гостей собирал.
Тому дала на ложке,
Тому на поварешке,
Тому на мутовке,
Тому на угарке,³²
А пальчику-мальчику
Весь горшок.
Он по воду ходил,
Он кашку варил,
Теляток поил,
Тут студено,
Тут кипяток, кипяток, кипяток.

№ 5

Хлопают ладонями ребенка:

Ладушки, ладушки,
— Где были?
— У бабушки.
— Что ели?

— Кашку.
— Что пили?
— Бражку.
Кашка маслененька,
Бражка сладенька,
Бабушка добренька.
Попили, поели,
Назад полетели.

№ 6

Кладут кисти рук нескольких ребят в одну грудку, выдергивают поочередно, приговаривая:

Чья копна
На моей копне?
Убирай долой,
Повези домой.

№ 7

Стучат во что-либо, чтобы ребенок не видел.

Кок, кок, кок,
Дома ли поп?
Есть ли шти?
Ночевать пусти.

№ 8

Тормошат за разные части тела со словами:

Не ходи один в лесок,
В лесе серенький волчок,
Там медведушка живет.
Они Ваню заедят:
Волки за холки,
Лисицы за косицы,
Зайцы за пальцы.
Всего растащат.

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

Эти песни поются не детьми, а для утешения и часто служат той же цели, что и колыбельные.

№ 1

Лели, лели-лели-лели.
У которой сопли доле?
У которой зеленее?
Та и девка едренее.

№ 2

Бом-бом-бом-бом-бом.
Загорелся кошкин дом.
Кошка выскочила,
Глазки выпучила.
Бежит курица с ведром,
Заливает кошкин дом.

№ 3

Пятница, суббота —
Тараканова работа.
Таракан дрова рубил,
Клопик баню топил,
Вошка парилась;
С перепару вошь упала,
Об ушат боком попала,
Изуродовалась.
Доктор едет на коне,
Балалаечка в руке,
Балалаечка упала,
Вошка лопнула, пропала.

№ 4

Кикирики, петушок,
Золотой гребешок,
На полочке сидел,
Трой лапты сплел,
Коточик³³ потерял,
Денежку нашел,
Молодичку завел.
Молодичка добра,
Наварила киселя.
Старик хлебнул,
За реку дриснул
На калинов мост,
На железный гвоздь.
Старуха хлебнула,
Та и ноги протянула.

VII РЕБЕНОК СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

ДЕТСКИЕ ЗАГОВОРНЫЕ СЛОВА

Ребятишки этого возраста уже прибежали к заговорным словам. Большое значение охоты для усьянской лесной деревни отразилось и здесь. У ребят тоже были свои охотничьи заговоры.

№ 1

Заговор при ловле клестов

Святой Божий Лука,
Частая борода,
Залучи клестов
На мои пружки,³⁴
На прибавушки.³⁵

Охота на клестов — специально детская охота. В остальных родах охоты они пользовались заговорами взрослых.

№ 2

Заговор при ловле рыбы

Уда тонка,
Леска крепка,
Крючок золотой,
Глиздок³⁶ молодой.
Ерш Ершович,
Подъязок Петрович,
Молодка верховодка,
На крюк имайтесь,
С крючка не срывайтесь,
И ныне и присно
Вовеки, аминь.

№ 3

Заговор при мешании сметаны

Сметанка, мешайся.
Мутовка, не ломайся.
Сметанка вкруг,
Маслице в клуб.
Маслице ребятам,
Подпахтанье³⁷ теляткам,
Поденье в колобки,
Всем ребятам на зубки.

№ 4

Заговоры над репой

I

Репка, расти,
Больше вырасти,
Хвостик вытяни,
Брюшко выпучи.

II

Репка, расти
В мышинный хвост,
В тараканий глаз.

№ 5

Заговор от червей при посадке капусты

Червочки, червочки,
Вам камешочки,
А нам корешочки.

№ 6

Заговор над улиткой

Улита, улита,
Высунь рога,
Дам пирога.

№ 7

Заговор при вытрясывании воды из ушей после купанья

Мышка, мышка,
Вылей водку,
Дам колодку.*

Сюда же относятся некоторые заговоры от некоторых заболеваний, приведенные раньше, а также обращения к дождю, солнцу, радуге, использованные в первом очерке.

КОНАНЬЯ

Описание детских игр не входит в задачу настоящей работы. Но необходимо сделать обзор употребляемых при этом приговорок, так называемых конаний. Конанья (в других местах называются «считалками») представляют из себя одну из форм жеребьевки. Жеребьевка считалась раньше «судом Божиим» и употреблялась даже на суде. Конанья заключают в себе элементы древних заклинаний, целью которых было вызвать справедливое указание богов на виновного. Так что и в этом роде фольклора мы встречаем разновидность переродившихся заговорных слов. Перерождение их не везде находится на одной и той же стадии. В местностях захолустных, как Устья, они ближе к древним заклинаниям. В местностях открытых, как например, Черевково — большое торговое село на р. Двине, — они уже больше деформировались и пропитались современностью. Ниже

* По записям учеников Кыркандской и Мехренской школ.

я привожу некоторые конанья в двух вариантах, устьяновском и черевковском.

Из репертуара конаний в первую очередь следует выдвинуть те, в которых упоминается горение.

№ 1

Устьянский вариант

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло!
Выглянь-ко на небо
— Птички летят,
Колокольчики звенят.

Черевковский вариант

Небо, небо ясно,
Чтобы не погасло!
Взглянь-ко на небо
— Птички летят,
Колокольчики звенят.

№ 2

Первинчики, другинчики,
Убили голубинчика
На желобе, на болоте,
На Божье Русе,
На поповой полосе.
Пишет дьякон
Черным углем.
Прело, горело
По заморью летело.
За морем церковь,
В церкви Никола,
Анна Быкова.
На корочке стрёк.³⁸
Поди вон, королек.

Ченчики, бучинчики,
Летали голубинчики,
По Божьей росе,
По поповой полосе,
По чужой стороне.
Там чашки,
Там ложки,
Медок, сахарок,
Поди вон, королек.

№ 3

Прело, горело,
По заморью летело,
По кусту, по насту,
По лебеди-лебедки,
По репке в горсть.
Пономарь за хвост.
Ниже уха кохова,
Пономарь Илья.
Кухта-мухта,
Троица-роица,
Палка-полянка,
Сучок-соколок,
Шолков поясок.
Поди вон, королек.
Шишин-мышин,
Куда вышел,
Вон пошел.

В Черевкове не встречается

Первое из этих конаний употребляется также в качестве припевок при игре в «горелки». С этими же словами обращается в одной сказке Баба-Яга к мальчику, которого собирается зарезать. Все эти конанья имеют также связь с игрой в «курилки», где играющие передавали друг другу горящую лучину. Проигравшим считался тот, у кого лучина догорит или погаснет. Корни этих игр («горелки» и «курилки»), а следовательно, и конаний, идут во тьму далеких жутких культов с человеческими жертвоприношениями и людоедскими «тайнствами».

Устьянский вариант конанья (№ 2) до сих пор последовательно изображает преступление и суд. Преступление — «убили голубинчика» где-то «на Божьей Русе». По этому поводу собирается суд и «дьякон пишет» его протокол. Под словом «дьякон» нужно понимать «дьяк». Средством «суда Божия» служило нечто горящее, что «прело, горело» и передавалось из рук в руки между подозреваемыми. Даже «Микола» и «Анна Быкова», находящиеся в церкви «за морем», намекают все на тех же персонажей заговорных слов, которых мы так часто встречали на протяжении этой работы, т. е. на Волоса и богиню-девицу Черноморья. В Черевковских конаньях все это уже бесследно исчезло.

Во вторую очередь нужно поставить конанья с элементами счета.

Устьянское

№ 4

Первый, другой — парни в угол.
Три, четыре — прицепили.
Пять, шесть — бей шерсть.
Семь, восемь — сено возят.
Девять, десять — деньги весят.
Одиннадцать, двенадцать — на улице бранятся,
В избе говорят,
Кафтаны кроят,
Кому клин, кому стан,
Кому весь кафтан.

Черевковские

№ 5

Раз, два, три, четыре,
Пять, шесть, семь,
Восемь, девять, десять.
Царь тебя хотел повесить.
Ветер дунул. Ты упал.

№ 6

Раз, два, три, четыре.
Пять, шесть, семь,
Восемь, девять, десять.
Из-за солнца вышел месяц,
Из-за месяца луна.
Мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
А я сяду и поеду.
Я поеду в Ленинград,
Покупать себе наряд.
Куплю кофточку, пинжак,
Кто наденет, тот дурак.

В устьяновском конаньи отразилась малая культурность Устьи. В черевковских чувствуются и политические веяния и буржуазная сущность прежнего с. Черевковка.

Эта же разница проходит и во всех остальных конаньях. В устьянских часто слышатся отзвуки старых времен, в черевковских — влияние города, торговли и школы.

Устьянские

№ 7

Ерга не ерга,
Баран не баран.
Серая овца
На повите спала,
Тройников принесла.

№ 8

Шаричек катился вокруг огорода,
Кто его поднимет, тот воевода.
Слышал, вышел, вон пошел,
На угоре дом нашел.

№ 9

Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар.
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, самовар.

№ 10*

Ехала карета,
Изломалось колесо.
Много ли надо
На шип гвоздей?
Отвечай поскорей.

№ 11

Ехал барин потрубарин,
Таракана заступил.
Он за это преступленье
Три копейки заплатил.

№ 12**

Кони новы. Чем подковы?
Катом, литом, подпалитом.
Мати, бука, печь.
Неженатый молодец,
Курица-парунья,
Петух-топтун.
Палка-Паранька, вон пошла!

№ 13

Шатар, батар, губер, патар.
Шапка плясовая, вся неписанная.
У Еремы деньга есть.
Я не знаю, как подлезть.
Я подлезу, украду
И Ереме не скажу.

№ 14

Куба, куба, кубака,
Наша яма глубока.
— Где моя подружка?
— У попа в избушке.
— Что работает?
— Мячиком играет,
Попа утешает.
Поп на столе,
Попадья под столом.
Курица — на улицу.
Петух — на село.

* Имеется и в Черевкове.

** Имеется и в Черевкове.

Не видать ничего.
Курица-кладунья,
Петух-топтун,
Соловей-свистун.
Палка-паранька, вон пошла!

Черевковские

№ 15

Шел баран
По крутым горам,
Сорвал травку,
Положил на лавку,
Кто ее возьмет,
Тот вон пойдет.

№ 16

Тани-бани, что под вами,
Под железными столбами?
Стульчик-юльчик, сам король
Шапку нанял и пошел.

№ 17

Шла собака через мост,
Четыре лапы, один хвост.

№ 18

Лезу, лезу на вершину,
Вижу Питера машину.
Не сама машина ходит,
Машинист машину водит.

№ 19*

Шла старушка мимо рынку,
Спотыкнулась на корзинку.
В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, ботинки,
Все, что надо для души.

* Проникли не так давно и на Устью.

№ 20

Еник-беник с колеса,
Сколько стоит колбаса?
— Три копейки с половиной,
— Отвечала Катерина.
— Что ты, баба-дура, врешь!
Посмотри: товар хорош.

№ 21

Сбил, сколотил —
Вот колесо!
Сел да поехал —
Ах, хорошо!
Оглянулся назад,
Одни спицы лежат.

№ 22

Стакан, лимон,
Вышел вон.

ДИАЛОГИ

Особую форму детского фольклора представляют диалоги, вопросы и ответы, иногда ставящие менее опытного мальчугана впросак. Наиболее архаичный тип этого вида фольклора дан в № 1.

№ 1

Устьянский вариант

— Векошка-горожаночка,
Где ты была?
— Коней пасла.
— Где твои кони?
— Миколка увел.
— Где твой Миколка?
— В клетку попал.
— Где твоя клетка?
— Водой снесло.
— Где твоя вода?
— Быки выпили.
— Где твои быки?
— За гору ушли.
— Где твоя гора?

Черевковский вариант

— Уточка-горожаночка,
Где ты была?
— В городе.
— Что там делала?
— Овец пасла.
— Что выпасла?
— Коня в седле,
В золотой узде.
— Где эта узда?
— Николка в клетку увел.
— Где эта клетка?
— Водой унесло.
— Где эта вода?
— Быки выпили.

— Черви выточили.
— Где твои черви?
— Гуси выклевали.
— Где твои гуси?
— В вересник ушли.
— Где твой вересник?
— Девки выломали.
— Где твои девки?
— По замужью ушли.
— Где твоё мужье?
— В солдаты ушло.

— Где эти быки?
— В лес ушли.
— Где этот лес?
— Мужики вырубил.
— Где эти мужики?
— Все умерли.
Был ветерок,
Унес пепелок.

В этом диалоге первобытное сознание выразило свое впечатление от непрерывной текучести и изменчивости явлений бытия.

№ 2

Устьянский вариант

Я сидел на пню,
Хлебал репню.
Пришел дядюшка-татарин,
Меня по уху ударил.
Я схватил его за грудь
И повел его на суд.
— Суд, судья,
Рассуди наши дела.
— Как было дело?
— Я сидел на пню... и т. д.

Черевковский вариант

— Как было дело?
— Дело было вечером,
Делать было нечего.
Я сидел на окошке,
Соп³⁹ картошку,
Вдруг — свисток,
Я бежать.
Меня держать.
— Как было дело? и т. д.

№ 3

Сначала берут обещание какого-либо неопытного мальчугана повторять каждое последнее слово. Рассказчик рассказывает что-либо вроде:

— Шел ты лесом.
— Лесом.
— Встретил тебя леший.
— Леший.
— Он схватил тебя и унес.
— Унес.
— Прямо под звоз.⁴⁰
— Под звоз.
— Там он срать сел.
— Сел.
— А ты у него говна съел.
— Съел.

Такого рода «подводелок» ходит множество вариантов. Если слушатель откажется повторить последнее слово, его начнут дразнить:

Дыга-дыга-дыгалай,
Поди, с сучками полай!

ДРАЗНИЛКИ

Дразнилками называют коротенькие припевки с прозвищами отдельных ребят и даже целых деревень. Дразнилками осмеиваются также некоторые пороки, например, трусость, моченье на постель, уродство и т. д. Приведу очень немногие из них.

№ 1

Ссюль-прохвост,
Не ходи на погост.
На песочке полежи,
Да штаночки посуши.

№ 2

Шадра-бадра*
Кованый нос,
Кобылий хвост,
Не ходи на погост:
Тебя кони залягают
И коровы забодут.

№ 3

Стегана дыра
На базаре была,
Пирог пекла.
По копейке пирог,
Никто слопать не мог.

№ 4

Кука, кука, басалай,
Полезай на сарай.
Там кошку дерут,
Тебе лапку дадут.

* Испорченное оспой лицо.

№ 5

Анна-галанна,
Жопа деревянна,
Нос крючком,
Брюхо ящичком.

№ 6

Миша-шиша,
Дай карету,
Срать поеду,
Отвезу.

№ 7

Степа-лопа
Свинью слопал,
Пятьдесят поросят,
Только ножки висят.

И многие другие.

ПРИГОВОРКИ И ПЕСЕНКИ

№ 1

Царь да царица
Сели на вицу.
Вица подломилась,
Царица свалилась.
Царь заплакал,
В штаны накакал.

№ 2

Царь Картаус
Наккал в картуз,
Вынес на мороз,
Сделался купорос.
Вынес в подвал,
Сделался скандал.

№ 3

Царь Додон в поход собрался,
Под ним был конь игрен.⁴¹
Дорогой он усрался
И срал он целый день.
Семнадцать генералов
Штаны его несли,

Да семьдесят капралов
Говно из них трясли.

№ 4

Цынцы-брынцы, балалайка,
Цынцы-брынцы, заиграй-ка.
Тень-тень-потетень,
Ветер стонет целый день.
Туна туна туна-на,
Ходит по морю волна.

№ 5

Птица-синица
За море летела,
Перо уронила.
Беру перо в руки,
Пишу письмо от скуки.
Перышко скрипит,
Мое сердчко кипит.

¹ *Гайтан* — шнурок, тесьма, на котором носят нательный крест.

² Публикуемый очерк — шестой в рукописной монографии М. И. Романова; см. предисловие к публикации, с. 79.

³ *Урок* — вредоносное слово, порча, мифологическое существо, персонифицирующее вредоносное слово. *Озёв, озов, озеп, озёр* — оговор, болезнь от оговора, от сглаза.

⁴ *Камфарное* блюдо — блюдо из камфарного дерева (*Laugus Camphora*).

⁵ *Земельный* — относящийся к земле, землям; *зд.* в значении владения, сельского хозяйства, т. е. сельский человек.

⁶ *Гамить, гаметь* — *гомонить, гаманить* — кричать, говорить громко.

⁷ *Конговый* — от *конга* — *конда*, боровая сосна, *кондовый* — крепкий.

⁸ *Призор* — сглаз, порча от дурного глаза, болезнь.

⁹ *Притча, притка* — *зд.* порча, сглаз, болезнь, смерть.

¹⁰ *Приговóры* — *зд.* то же, что притча.

¹¹ *Здрóги* — от *вздрагивать*; беспокойство, болезнь от испуга, существо, персонифицирующее болезнь от испуга.

¹² *Переполох* — тревога, страх, беспокойство, болезнь от испуга. Живое существо, испугавшее человека.

¹³ *Сток* — восток.

¹⁴ *Кóмель* — нижний конец бревна, пера, волоса; *зд.* низ течения реки.

¹⁵ *Сорóк* — от *сор*; грязь.

¹⁶ *Ломóк* — от *лом*; валежник, сучья.

¹⁷ *Родíмец* — детская болезнь.

¹⁸ *Дéвка-пустоволóска, девка-простоволóска* — сверхъестественное, мифическое существо.

¹⁹ *Шпáкурить* — насмешничать, насмехаться.

²⁰ *Осэ́ка, осэ́к* — изгородь из кустов и деревьев, наваленных друг на друга и кое-где надпертых кольями.

²¹ *Сóбра* — зд. мелколесье.

²² *Наво́лок* — луг, заносимый во время разлива наносом, низменный берег.

²³ *Щипо́та, ломо́та* — болезнь, боль в суставах, костях, связках.

²⁴ *Жи́ло, жильё* — жилище, место, где живут.

²⁵ *Жи́ра* — *жи́рова* — богатая жизнь.

²⁶ *Угомóн* — зд. спокойствие, тишина, сон, мифическое существо, олицетворяющее спокойствие.

²⁷ *Просу́жей, просу́жий* — рассудительный, разумный, толковый, смысленный.

²⁸ *Пови́ть, пове́ть* — крыша над скотным двором, также настил над скотным двором, где хранили сено, крытый теплый двор.

²⁹ *Затры́циться* — вероятно, от *дрыгать*; лягать, дрожать.

³⁰ *Нани́* — так что; что даже.

³¹ *Пря́женец, пря́жник, пря́женок* — зд. тонкие пирожки или лепешки, жареные на растительном или сливочном масле.

³² *Уга́рок* — огарок лучины или свечи.

³³ *Коточи́к, кочеды́к, кочады́к, косты́г, кодочи́к* — шило для плетения лаптей.

³⁴ *Пружо́к, пружё́к* — силок для ловли птиц.

³⁵ *Прибаву́шка* — вероятно, от *бавушка*; бава, бавка — игрушка, забава.

³⁶ *Глиздо́к, гли́зд* — дождевой червь.

³⁷ *Подпа́хтанье* — вероятно, то же, что *пахтанье*; сыворожка при сбивании масла из сметаны.

³⁸ *Стрёк* — слепень или овод.

³⁹ *Соп* — от *сопать*; жрать, жадно есть.

⁴⁰ *Звоз, взвоз* — настил со двора в верхний сарай или сенник для въезда лошадей с возом.

⁴¹ *Игрéн, игрэнь, игрэний* — конская масть: рыжий с гривой и хвостом более светлого цвета.